

Зинаида ВОЛОШИНА

ВРЕМЯ ЛЮБИ И НАДЕЖД

В 1942 году я окончила школу и поступила в горный техникум. В то время в Кемерово не было высших учебных заведений, имелись только два техникума: строительный и горный. Строительный был на левом берегу Томи, а горный – на правом, в Рудничном районе. Мы жили на Подгорной улице. Это очень далеко. Транспорта практически не было, если не считать товарного вагона, битком набитого пассажирами. Ходили от дома до техникума через Томь (моста тогда не было, зимой – по льду, летом – по понтонной переправе), а там ещё почти до шахты «Северная». Я проучилась полтора года, пришлось по семейным обстоятельствам оставить учёбу.

19 апреля 1942 года, после того как мы получили третью похоронку, отец умер от инфаркта. В это время мой брат Георгий (Гоша – младший из четырёх братьев) был ещё дома. Он окончил строительный техникум, устроился на военный завод. Во время

войны в Кемерово из Центральной России эвакуировали заводы, работавшие на оборону. У брата была бронь, но после смерти отца он добровольцем ушёл на фронт – мстить за отца и старших братьев. Мы остались без кормильца: я, мама и больная сестра.

За троих погибших сыновей маме платили пенсию – 15 рублей. Жить было не на что, и в 1943 году я устроилась в типографию «Кузбасс». Тогда типография и редакция газеты были одним предприятием. Сначала я работала в корректорской подчитчицей (помощницей корректора), но там совсем мало платили, и я перешла в переплётный цех, где проработала почти год. Затем меня взяли секретарём в редакцию газеты. Там я проработала недолго и попросила перевести меня в машбюро. Мне нравилось там – живая атмосфера редакции, интересные люди, чувство своей причастности к рождению газеты, послушная работа пишущей машинки. Тогда в редакции было всего семь кабинетов, с фанерными перегородками, на втором этаже типографии, а типография находилась на улице Сталина (потом переименованной в Ноградскую), сразу за деревянным зданием почтамта, перед кинотеатром «Москва». Сотрудников немного. Ответственным секретарём, когда я начинала работать, был Василий Иванович Целобанов, редактором – Арсен Арсенович Бабаянц. Основной костяк редакции сложился во время войны из журналистов, эвакуированных с оккупированных территорий. Газета печатала материалы о жизни только что народившейся Кемеровской области; трудовых подвигов шахтёров, кузнецких рабочих, сталеваров; строительстве сибирского металлургического комбината. Машбюро было строго привязано к работе главного редактора и его заместителя. Передовая статья писалась ими вечером, сдавалась в последнюю очередь. И дежурная машинистка не могла уйти, пока не перепечатает передовицу.

Шёл 1946 год. Стали возвращаться фронтовики-газетчики: Иван Балибалов, Николай Дубинин, Михаил Небогатов, Пётр Рыжов, Юрий Баландин и другие. Вскоре по редакции пронёсся слух, что в Новокузнецке появились два новых корреспондента: Александр Волошин и Николай Зеленин. Они как-то выделялись из всех районных и городских корреспондентов. В это время в редакции начала формироваться литературная группа: Алексей Косарь – поэт, работал литсотрудником в отделе культуры; Таня Полозова – поэтесса, работала на Азотно-туковом заводе, Миша Небогатов работал в промышленном отделе, Алексеев и другие сотрудники

131

Машбюро газеты «Кузбасс»: я, Мария Михайловна Яковлева и Тоня Парфёнова 1947 год

Сталинск. 1946 год

редакции. Во главе этой группы был, конечно, Волошин. Ещё до войны он, работая ответственным секретарём осинниковской городской газеты «За уголь», печатал свои рассказы. Первый опубликованный его рассказ назывался «Первая смена».

И вот однажды в очередной свой приезд (он уже работал корреспондентом по Новокузнецку, тогда Сталинску) Волошин зашёл в машбюро и почему-то не оставил свой материал на столике, а подсел ко мне и стал диктовать. Я, конечно, смутилась: он мне очень понравился. Можно сказать, я при первой же встрече влюбилась. Он предложил мне прогуляться после работы. Мы гуляли по набережной Томи, по старой набережной, ещё не ухаженной, но по-своему романтической. Не помню, о чём мы тогда говорили, но нам было хорошо вместе. Говорил, конечно, больше он, а я просто шла рядом и смотрела на него влюблёнными глазами. Потом он проводил меня домой. С тех пор мы начали встречаться. А как встречаться?.. Он жил в Новокузнецке, я – в Кемерове. Саша всё чаще искал повод появиться в редакции, хотя в то время работали стенографистки, и корреспонденты передавали информацию через них. Если Саша диктовал им, непременно в конце разговора приглашали меня к телефону, и мы общались.

Волошин всё чаще стал появляться, и однажды Арсен Арсенович, редактор, ему сказал: «Я вас не вызывал». Он ответил: «А я без вызова – повод есть». И повод действительно был. Ближайшим его другом в литературной группе, которая называлась «Литературная среда», был Николай Зеленин. Зеленину тоже захотелось меня проводить. Дружья тогда сильно поссорились, хотя совершенно напрасно. Саша, конечно, стал для меня самым главным человеком, он покорила меня своим мужским и человеческим обаянием. Рядом с ним другие поклонники безнадежно проигрывали.

И вот как-то осенью, помню, мне приносят записку. Кажется, пришёл с запиской Алексей Косарь.

В ней было написано: «Любимая, я сижу на вокзале на чемодане и жду тебя – забери меня. Если ты не придёшь, я не знаю, что со мной будет». Я, конечно, бросилась на вокзал и, действительно, увидела его, такого несчастного: сидит на деревянном чемоданчике... Пошли ко мне домой. В это время уже вернулся из армии брат, женился. Я привела Сашу домой, познакомила его с самыми близкими людьми – мамой Анной Васильевной и братом Гошей. Но мы ещё не жили вместе, а только встречались. Он попросился к нам квартирантом. Сказал, что не женат, показал паспорт. В нём не было штампа о браке. Это было и так, и не так: он не сказал правды, не сказал, что ушёл от жены. Мама поверила ему, и он стал жить у нас.

Я уступила ему кровать, а сама спала с мамой. Потом уже выяснилось, что привело его на вокзал. Сашина жена подала заявление с жалобой на него в горком КПСС. Его вызвали и пригрозили исключением из партии. Тогда он и решил к ней не возвращаться. Это был сентябрь 1947 года, а 7 ноября мы сыграли скромную свадьбу. Только через пятнадцать лет мы смогли зарегистрировать брак, так как разрешение на развод он так и не получил. Он пришёл в наш дом с деревянным чемоданчиком, в котором были рубашка, пара кальсон и куча рукописей. После шумного скандала в горкоме Сашу уволили из редакции, и мы остались с одной моей зарплатой в 350 рублей. Невеликие тогда были деньги... Но в это время он уже писал свой роман «Земля Кузнецкая». Это стало для него главным.

135

Когда мы поженились, родные отдали нам маленькую комнату. В ней стояли кровать, столик и два стула. Саша писал целыми сутками – у него всё получалось. Иногда какие-то отрывочки удавалось отдать на радио. Утром я уходила на работу, а он был уже за столом с чернильницей, ручкой и бумагой. Вскоре и мне пришлось оставить работу в редакции – всё по той же причине. Я устроилась маши-

Осень 1949 года

нистой в Обликинопрокат, который находился в кино-театре «Москва». В августе 1948 года у нас родился сын, но прожил только 25 дней и умер. Горе-горем, а надо было жить дальше. После смерти сына я ушла с работы, чтобы быстрее перепечатывать растущую рукопись романа. Пишущей машинки у нас не было, и мы по вечерам ходили в радиокомитет: там Саша диктовал мне свои записи. Жили трудно, бедно, на случайные заработки, но были счастливы, несмотря ни на что. У нас был роман – и в прямом, и в переносном смысле.

К октябрю 1948 года роман был закончен. Саша искал издательство, где можно было бы его опубликовать. В Кемерове не было книжного издательства, и он послал рукопись в Новосибирск, в журнал «Сибирские огни». Его редактором был Савва Елизарович Кожевников – светлая ему память! Роман был одобрен редколлегией, и Сашу вызвали в Новосибирск для работы с редактором. Мы поехали в Новосибирск. Но где было жить нам, практически нищим? К счастью, в Новосибирске нашлась двоюродная сестра Пелагеи Афанасьевны, Сашиной мамы. Мы её звали тётя Поля. Она жила с мужем в небольшом уютном домике далеко от центра, за Каменкой. И сейчас вспоминаю с благодарностью этих милых людей, пригревших нас той холодной сибирской зимой. Помню как сейчас большую русскую печку, на которую я забиралась по вечерам, а Саша с дядей Колей садились рядом с печкой на пол, в рубахах и кальсонах, и вели душевные разговоры обо всём на свете, а потом с наслаждением пели песни. Мы опять ходили после рабочего дня в Новосибирский радиокомитет и там работали с рукописью: он диктовал, я печатала. Зима, холодно, а идти далеко. Но нам было хорошо, ведь мы были вместе. Наконец рукопись была сдана, и мы вернулись в Кемерово.

В январе 1949-го в Кемерово приехал из Москвы писатель Михаил Никитин. Он остановился в гостинице «Томь». Ему сказали, что вот, мол, у нас появился молодой начинающий писатель Волошин с романом «Земля Кузнецкая». Никитин заинтересовался и пригласил Сашу в гостиницу побеседовать. Саша принёс ему рукопись. Роман понравился, и Никитин попросил рукопись, чтобы показать её в Москве в журнале «Новый мир». Редактором «Нового мира» был Константин Симонов. Вскоре мы получили телеграмму от Симонова: «Роман одобрен приезжайте Москву срочно». Конечно, Саша немедленно уехал в Москву.

Из Москвы он писал мне милые нежные письма, но чаще мы разговаривали по телефону. У нас-то телефона, конечно, не было. Я получала телеграмму: «Сегодня 10 часов Саша», – и бежала к Женечке Харловой, жене моего погибшего на войне брата. Она была уже директором издательства, и у неё имелся

домашний телефон. Мы обсуждали важные новости. Роман не опубликовали в «Новом мире», поскольку номер «Сибирских огней» был уже свёрстан. Тогда Симонов во время встречи с Волошиным посоветовал опубликовать роман отдельной книгой в издательстве «Советский писатель» и пообещал дать рекомендацию. В издательстве роман приняли и назначили редактором Бориса Николаевича Агапова, писателя, очеркиста, сценариста, бывшего в то время лауреатом уже двух сталинских премий. Предстояла большая работа. Я и радовалась, и тосковала в разлуке. Но наша разлука была недолгой. В марте Саша прислал моему брату письмо, в котором слёзно просил купить мне билет и отправить к нему. «А я потом отплачу вам сторицей», – писал он. И надо сказать, что и к брату моему, и маме, этой тихой, заботливой женщине, принявшей его как сына, Саша относился с благодарностью и любовью.

И вот я еду в Москву. Тогда из Кемерово в Москву раз в неделю ходил один вагон, который цепляли в Новосибирске к московскому составу. Вагон, в который брат купил мне билет, оказался особенным, класса люкс. Я предполагаю, что среди ехавших моих попутчиков были большие начальники. Так я оказалась в мягком вагоне и роскошном двухместном купе. Смутившись, я попросила проводника никого ко мне не подсаживать. Он так и сделал, но за эту просьбу я и поплатилась: проводник взял с меня доплату, оставив совсем без денег. Все трое суток дороги я могла позволить себе только чай. Долго-долго потом меня тошнило при виде чая. Измученная голодом, я прибыла в Москву с мечтой увидеть столицу и наконец поесть. И вот уже все мои попутчики-пассажиры вышли на перрон, а я сижу и не знаю, что мне делать. В кармане нет и пятак на метро. Вдруг слышу, как проводник говорит: «А вам кого?» И голос Саши: «Здесь должна была приехать моя жена». Я вышла, а он уже спешит мне навстречу. Увидев его, я так и ахнула: на нём зимнее полупальто «Москвичка», зимняя шапка, а на дворе 8 апреля, тепло и ни одной снежинки. Он весь обросший, в болячках. От истощения и авитаминоза у него начался фурункулёз. Сердце сжалось от жалости: таким я ещё не видела моего красавца. Но, помню, первое, что я спросила: «У тебя есть что-нибудь поесть?» Он ответил: «Да, конечно!» Мы спустились в метро, доехали до Охотного ряда, а потом на автобусе до площади Свободы. С площади повернули на улицу Воровского и через один дом свернули во двор Союза писателей. Там в подвале Саша снимал угол у дочери дворника. Спускаемся в полуподвал: окна – на уровне тротуара. Совсем как в комнате булгаковского Мастера, только куда беднее. Проходим по тёмному коридору, и вот наши «апартаменты»: у входа в хозяйкину комнату отгороженный шкафом и тряпкой угол. За тряпкой – старый

матрац с клопами, тумбочка и один стул. Вся эта роскошь стоила триста рублей в месяц. Саша достал из-под дивана чемодан, откуда извлёк чекушку, батон и кусок колбасы. Так мы отпраздновали встречу. Мы опять были вместе, а значит, счастливы.

И опять была напряжённая работа над книгой, день и ночь. Агапов правил рукопись, писал на полях замечания в течение недели, а Саша переписывал рукопись с исправлениями за одну ночь.

Нас мучила хроническая бессонница. Спать было не только некогда, но и практически невозможно. Во-первых, клопы заедали, а во-вторых, над нашим матрацем висел звонок от входной двери. Ночные звонки случались часто, поскольку в соседней комнате жила дочь хозяйки, особа, судя по всему, общительная и любвеобильная. Пока мой муж работал, не поднимая головы, я как могла его лечила. Каждый вечер я смазывала нарывы и бинтовала. Хорошо помогли пивные дрожжи, которые я по совету хозяйки привезла в бидончике прямо с пивзавода. Но жизнь без солнечного света и нормального питания, психологическое напряжение, связанное с непрерывной лихорадочной работой, давали о себе знать: фурункулы проходили, но появлялась экзема. А тут ещё задача: я приехала 8 апреля, а 27 апреля закончился срок паспорта, его необходимо было срочно менять. И, как назло, вечером явился участковый с проверкой документов. Мне было строго предписано убраться в 24 часа. Слава Богу, в Москве в Столешниковом переулке жила моя двоюродная сестра. Комнатка у неё была маленькая. О том, чтобы переехать туда вдвоём, нечего было и думать. Мне одной нашёлся уголок: крохотный деревянный диванчик. Тело помещалось, а ноги висели. Я радовалась и этому – всё-таки крыша над головой. Днём мы бывали вместе, а вечером, часов в десять, Саша проводил меня в Столешников.

В конце апреля, измученный, он обратился в Литературный фонд со справкой от врача и рекомендацией курортного лечения. К нашей огромной радости, ему выделили путёвку в Дом творчества «Голицыно». 2 мая, оставив мне немного денег на жизнь, он уехал. Часть из них я отдала сестре, а с остальными отправилась в «Пассаж» на Петровке, чтобы купить себе босоножки.

Май выдался солнечным и тёплым, а я была любопытной, наивной и доверчивой девочкой. В обувном отделе царил ажиотаж, какая-то женщина продавала красивые импортные босоножки. Вокруг неё собралась толпа. Мне очень захотелось посмотреть, а может быть, и купить красивую вещь. Когда я оглянулась, удовлетворив любопытство, то увидела, что сумочка моя открыта и деньги украдены. Вечером по телефону я рассказала Саше (он звонил мне каждый вечер) о своей беде. Выслушал и только сказал: «Я так и знал, что ты пойдёшь за покупками. Завтра

приеду и привезу тебе деньги». Однако не приехал, а пригласил меня приехать к нему «на денёк». Я подробно расспросила у сестры, как добраться до «Голицыно», и рано утром уже была на Белорусском вокзале.

Вот и «Голицыно» – Дом творчества писателей. Это был небольшой двухэтажный особняк с застёкленной верандой. Когда-то он принадлежал знаменитому в Москве владельцу крупнейшего частного театра Ф. А. Коршу. По наследству дом достался внучке Серафиме Ивановне Фонской, а она передала его Литфонду, став директором Дома творчества. (Не могу поручиться за достоверность, но так мне тогда рассказывали историю этого замечательного места.) Высокая, дородная, с пучком седых волос, Серафима Ивановна была необыкновенно добра и приветлива. Мы прожили у неё счастливейшие четыре месяца и всю жизнь вспоминали её с величайшей благодарностью. Разыскивая сведения о ней, мы с дочерью нашли в «Новом мире» за 2010 год воспоминания Михаила Ардова, который бывал в «Голицыно» у Серафимы Ивановны в 1950-е годы. Он тоже отмечает особенную атмосферу домашнего тепла и заботы, которую сумела создать Серафима Ивановна. Он сравнивает тот Дом творчества с семейным пансионом. «Сам дом в Голицыне был невелик, там одновременно проживали человек двенадцать. Завтракали и обедали все вместе за большим овальным столом. На нём почти всегда стояла ваза с цветами, об этом заботилась Серафима Ивановна», – пишет Ардов.

Я приехала рано утром. Все уже собрались на веранде к завтраку. Я открыла калитку и остановилась, смущённая. Вдруг Володя Замятин (имя я узнала позже) вышел на крылечко и спрашивает: «Это кому же такая девочка?» И слышу Сашин голос: «Это моя жена». Мы поднялись на второй этаж в его комнату, такую уютную, чистенькую. После наших московских углов это был рай: настоящий письменный стол с настольной лампой, большая кровать, шкаф и даже тумбочка для чемодана. Позавтракали в номере. Его завтрака нам вполне хватило на двоих. Как мне не хотелось уезжать! А ему меня отпустить. Наконец решившись, Саша пошёл поговорить с Серафимой Ивановной – и вернулся радостный. Она разрешила мне остаться. Это было против правил, с жёнами не принято являться, но для нас сделали исключение.

Сашу Серафима Ивановна называла «мой сибиряк» и относилась к нам с особенной симпатией. Потом, когда мы бывали в Москве, то обязательно ездили в «Голицыно» повидаться с Серафимой Ивановной. Сохранилась фотография, сделанная в 1954 году, когда Саша приезжал в «Голицыно» один. На ней – милейшая Серафима Ивановна в белом халате поверх платья, как она обычно одевалась,

137

*Саша с Михаилом Небогатовым
и Алексеем Косарем*

в окружении своих подопечных. В центре группы – Николай Николаевич Гусев, известный литературовед, бывший некоторое время личным секретарём Льва Толстого.

Надо сказать, что голицынское общество было замечательно. Одновременно с нами тогда там «отдыхали», то есть работали в очень благоприятной обстановке и уже известные, и только ступившие на творческую стезю писатели и поэты: Иван Стаднюк, Константин Седых, Евгений Долматовский, Ярослав Смеляков, Михаил Луконин, Елена Благинина, Виталий Закруткин, Александр Казанцев и Владимир Немцов (оба писатели-фантасты). Фантастически интересные люди, со многими из которых сложились дружеские отношения на долгие годы.

Между тем работа с редактором подвигалась к концу. Саша почти каждый день ездил в издательство, и, наконец, в конце августа рукопись была сдана в производство. Золотой московской осенью, в сентябре, мы уезжали из «Голицыно». Заканчивалась самая трудная пора нашей жизни (так нам казалось) – время больших надежд.

Мы уезжали не с пустыми руками. Саша получил аванс за книгу, и одним из первых его приобретений стала пишущая машинка «Рейнметалл», купленная в небольшом магазинчике на станции Голицыно. Лёгкая, компактная, в красивом футляре, она верой и правдой служила нам долгие годы. На ней печатали и я, и сам хозяин: романы и повести, статьи и очерки. Её хватило ещё на две диссертации – дочери и зятя. Она и сейчас хранится в семье как реликвия. Большой багаж, существенную часть которого составляли книги, рукописи и машинка, пришлось увозить на телеге, которую нашла для нас Серафима

Ивановна. На этой телеге привозили продукты в Дом творчества, поскольку машины ещё были редкостью.

Из Москвы решили лететь самолётом. Аэропорт Внуково. Мы приехали заранее и ждали посадки. Вдруг двери аэровокзала широко распахнулись и в зал под звуки аккордеона ввалилось весёлое общество. Как оказалось, с нами вместе летит генерал Драгунский. Среди провожающих генерала был Николай Иванович Тупиков, с которым Саша познакомился в Москве. (Николай Иванович, участник Нюрнбергского процесса, рассказывал много интересных подробностей этого великого события.) Состоялось приятное знакомство. Вся компания поднялась на второй этаж в ресторан, и расставание с Москвой отметили шумно и весело. Сколько будет ещё впереди таких бурных встреч и расставаний!

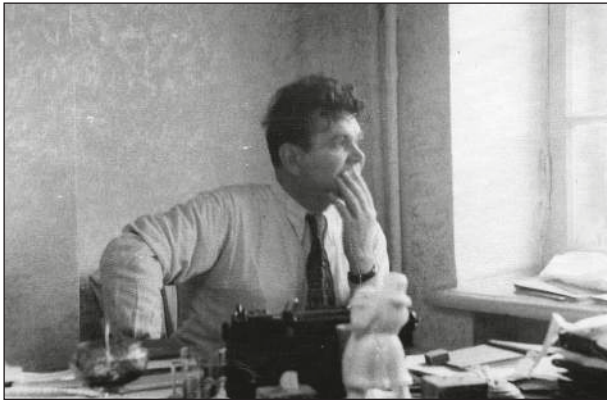
Это был мой первый полёт. Впечатление не могу забыть до сих пор. Наш небольшой самолёт, с тридцатью пассажирами на борту, то проваливался в воздушные ямы, то взлетал, вдавливая нас в сиденья, отчего и так долгий полёт показался бесконечным. Особенно жестоко болтало нас над Уралом.

Из Новосибирска в Кемерово мы доехали поездом и сразу поселились в гостинице «Томь». Почему в гостинице? Александр Волошин вернулся, если не знаменитым пока писателем, то уже известным в городе литератором, автором романа, принятого в печать центральным издательством. В горисполкоме ему пообещали выделить квартиру. Однако время шло, а квартиры не было. Плату за номер в гостинице увеличили вдвое. Гостиницы в те времена больше напоминали общежития, где приезжие получали только кровать в общей комнате и «удобства в конце коридора». Но и отдельный наш номер угнетал своим убожеством, тяготил гостиничный неуют. К тому же я была на шестом месяце беременности.

Выручил нас тогда Алексей Косарь, поэт, литературный сотрудник газеты «Кузбасс», организатор литературной группы «Среда» и близкий друг Саши. Он пригласил пожить у него, отдал в наше распоряжение свой кабинет, одну из трёх комнат в коммунальной квартире на Притомской набережной или, как говорили в Кемерове, на Притомском. Здесь мы встретили зиму, новый, 1950 год, родившегося 11 января сына Павлушу и только в начале февраля переехали в свою первую квартиру на улице Ермака, в доме № 5.

В альманахе «Литературный Кузбасс» в 2003–2004 годах были опубликованы воспоминания Алексея Косаря о Волошине. Мне понравилось, что в этих воспоминаниях интересно представлена картина становления молодой кузбасской литературы. Но мне показалось, много у Косаря литературного вымысла: длинные монологи своего рода литературного наставника Волошина; детально изображённые

138

В кабинете квартиры на улице Ермака

сцены встреч и подробности диалогов. Возможно, в воспоминаниях поэта так и должно быть?

Я согласна с Алексеем Васильевичем, когда он пишет о том, что в те далёкие годы было трудно. Жили действительно очень-очень бедно. Нам с Сашей Алексей и его жена Галя отдали самую мебелированную из трёх комнат, которые они к тому времени занимали в коммунальной квартире. Здесь были железная кровать, письменный стол и старый продавленный диван. В других комнатах мебели почти не было. В спальне стояла раскладушка. Буфет выполнял роль и хранилища посуды, и комода с вещами. Двое сыновей спали просто на полу.

Я часто оставалась в своей комнате одна: Саша уезжал то в Новосибирск, то ещё куда-то. В декабре вышел сигнальный экземпляр книги, и он поехал в Москву. Мне было тревожно и одиноко: подходил срок родов. Накануне Нового года пришла телеграмма: «Жди меня новый год будем встречать вместе».

Наступила новогодняя ночь. Наши друзья решили меня не тревожить, думая, вероятно, что я сплю. Вот и полночь миновала. Было холодно. Я сидела, закутавшись в платок, и дремала, когда уже часа в два ночи раздался стук, и Саша, к общей радости, явился с подарками, как настоящий Дед Мороз! Привезённые из Москвы лимоны и апельсины быстро украсили скромное новогоднее застолье, а рассказ о дорожных приключениях изрядно нас развеселил.

Приключения начались в Новосибирске. Когда московский самолёт приземлился в Новосибирске, поезд на Кемерово уже ушёл. Но обещание встретить Новый год надо было исполнить! Кстатi, нашёлся попутчик-кемеровчанин, попавший в такую же ситуацию. Вдвоём они разыскали машиниста паровоза, который вёл грузовой состав до Кемерова, и уговорили пустить их к себе в кабину. «И вот я здесь! Почти не опоздал!» Легко могу представить, что уговорить машиниста нарушить правила, впустить в кабину двух незнакомцев – дело непростое, но обая-

ния и способности убеждать моего мужа было не занимать.

Январь прошёл в хлопотах, связанных с рождением Павлуши. Имя сына было определено сразу. Павел – главный герой «Земли Кузнецкой». Саша проявил себя заботливым отцом: привёз из Москвы приданое малышу и выслал багажом большую коляску, которую по тем временам в Кемерове купить было невозможно. Досадовал только, что в дороге украли из неё подвесные игрушки: «Вот гады! Ребёнка обокрасть не постеснялись!».

В феврале мы наконец переехали в собственные две комнаты на улице Ермака и принялись обустроить семейное гнездо. Благо деньги, полученные за книгу, дали возможность не только щедро угощать друзей и знакомых, приходящих с поздравлениями, но как-то почувствовать себя дома, где можно спокойно работать, жить и, никому не мешая, растить детей. Между тем, окна нашей квартиры, расположенной на первом этаже, частенько привлекали внимание любопытствующих кемеровчан, желающих заглянуть внутрь и посмотреть, как же живут писатели. И занавески не спасали!

Мебельных магазинов не было, поэтому всю обстановку покупали на рынке и в комиссионном. В первую очередь был куплен большой письменный стол с двумя тумбами, выдвигаемыми ящиками и зелёным сукном на крышке. За этим столом и прошла трудовая жизнь писателя Александра Волошина. На нём обрела своё постоянное место пишущая машинка, а также мраморное пресс-папье с фигурой северного рыбака, держащего за голову огромную рыбу, и, конечно, двойная чернильница с подставкой для ручек. К столу было куплено рабочее кресло. Без жалости: с плоскими подлокотниками, кожаным жёстким сиденьем, жёсткой деревянной спинкой, но широкое и прочное под стать хозяину. В спальню купили на рынке металлическую кровать (изделие кемеровских кустарей) и большой чешский шифоньер. Среди всех этих столь увлекательных для женской природы забот и хлопот застало меня нешуточное испытание – встреча со свекровью.

Из Осинников к сыну-писателю, чтобы порадоваться с ним и полюбоваться на него, приехала мама Пелагея Афанасьевна. Пожаловала со своей перинной. Саша дал мне денег, и мы в течение нескольких дней покупали подарки ей и всей осинниковской родне. Но в какой-то момент деньги у меня кончились. Я не требовала от мужа отчёта о его заработках. Может быть, если бы я вела себя иначе, в нашей дальнейшей жизни не было бы бесконечных денежных проблем и долгов. Но я была на пятнадцать лет моложе, абсолютно доверяла ему. Зарботки росли, и в эти счастливые времена мне не бросалась в глаза безоглядная расточительность моего мужа. Позже, когда огромная сумма литературной премии ис-

139

чезнет в карманах бесконечных просителей и кассак гостиниц и ресторанов, я пойму наконец, что стремление жить широко и вольно не слишком сочетается с ролью отца и мужа.

А пока на очередное предложение Пелагеи Афанасьевны купить племяннику велосипед я ответила, что у меня нет на это денег. Она обиделась и рассердилась, решив, что я пожадничала. Вечером она резко выговаривала сыну: «Жена? Какая она тебе жена? Эта соплячка...» Он вспылил, ударил кулаком по столу и сказал, как отрезал: «Да, жена! И я буду с ней жить! А если не нравится тебе, забирай свою перину и уезжай!» На следующий день она уехала. Так не просто входила я в семью Волошиных.

Сложно было и моей свекрови принять меня: ей было жалко первую жену сына и особенно внука Валерия, увезённого далеко во Львов. Саша женился ещё до войны. Его первую жену звали Александра Андреевна. Она работала в библиотеке в Осинниках, а Саша много читал. Работал он тогда на шахте, но уже начал писать, опубликовал в осинниковской газете «За уголь» свой первый рассказ. В 1938 году у них родился сын Валерий. Но отношения в семье стали портиться, особенно после скандала в военном училище в Черемхово. После призыва в 1945 году Саша проходил там курсы сапёров. Во время вручения документов нашёлся какой-то человек из Осинников, который донёс на своего земляка как на сына врага народа. Обидчик был наказан: произошла драка. На фронт Саша уезжал в штрафной роте. Он говорил Пелагее Афанасьевне, будто тогда и запала в его сердце обида на жену: вместо того чтобы дать ему в дорогу кусок хлеба, она упрекала мужа за то, что он сорвался, полез в драку и оставил семью без льгот, положенных выпускникам училища. Сказал: «А ведь я ехал на смерть!»

Но я думаю, что основной причиной разрыва явилось её неверие в литературное будущее мужа. Из Сталинска, где они жили после возвращения Саши в 1945 году из Германии, Александра, забрав сына, уехала во Львов – там у неё жила сестра. А Саша колебался: ехать или нет? Тогда-то он и написал мне записку: «Забери меня...» Надо сказать, что с сыном Валерием Саша не терял связь никогда, они переписывались. Валерий приезжал к нам в Кемерово. Он окончил технологический институт в Новосибирске, стал авиаинженером. В 1970 году Саша летал к нему на Камчатку, в город Корф, где Валерий работал на аэродроме.

Сердилась Пелагея Афанасьевна недолго: сердце не камень. И снова она, сменив гнев на милость, приезжала к нам погостить. И не одна, а с внучкой Инной, дочкой Сашиной сестры Люси, как звали в семье Ольгу Никитичну.

Ольга Никитична Суднис жила со своей семьёй в доме матери, Пелагеи Афанасьевны. Она была за-

Мы с Люсей и Эдуардом Суднис. 1952 год

мужем за главным инженером шахты «Капитальная» Эдуардом Леопольдовичем Суднисом, человеком весьма оригинальным. Я всем сердцем полюбила эту семью: Люсю, Эдуарда, их детей Тамару, Инну и Вову. Они заслуживают отдельного рассказа. Необычное имя и звучащая на литовский лад фамилия главы семейства поражали слух. Когда Эдуард Леопольдович приезжал домой обедать, соседка, завидев его, кричала: «Афанасьевна, иди быстрее домой! Протувар приехал!».

Эдуард Леопольдович любил рассказывать о себе. Он родился в Петербурге и был, по семейным преданиям, потомком шведа, привезённого Петром Первым на литейный завод. Чтобы устроить внука в гимназию, дед Эдуарда продал старинные монеты (петровских времён) и дал взятку директору гимназии. Эдуард вспоминал, что во время революции он с друзьями-гимназистами целые дни проводил на улицах Петрограда, наблюдая толпы людей, заполнившие мостовые. Часто мы слышали от Эдуарда, что его отец был знаменитым борцом и боролся на арене цирка с самим Поддубным. И сам Эдуард Леопольдович любил похвастать недюжинной силой, особенно после застолья. «Как дам – так мертвец!» – говаривал он. Никто его, однако, не боялся. Человек он был добрый, бесконечно любил жену Люсю и детей. Когда ему в 1937 году предложили оставить беременную жену, чтобы не испортить карьеру (о причине я расскажу позже), он наотрез отказался.

Но вернусь к рассказу о свекрови. Подростал внук Павлуша. Бабушка Поля пекла ему пирожки и шила из тёплой фланели рубашки и широченные штанишки. Позже почти каждое лето мы гостили в Осинниках в её маленьком домике, она учила меня делать настоящие сибирские пельмени и знаменитый волошинский курник. Долгими вечерами я слушала рассказы свекрови о жизни в Петербурге до революции или как с первой полочки сын-шахтёр купил ей поварёшку, а себе балалайку. А она любила слушать романы Драйзера, которые я читала ей вслух.

190

От свекрови узнала я подробности семейной истории. Волошины — коренные сибиряки. Предки их переселились из-под Полтавы давно. Они крестьянствовали где-то на территориях Омской и Новосибирской областей. Свекровь вспоминала, как ездили за рыбой на озеро Чаны. Её девичья фамилия была Лысенкова, и она называла себя чалдонкой. А чалдоны, в её понимании, были потомками первых сибирских казаков. Из Сибири был призван в армию её молодой муж Никита Лукич Волошин. Он родился в крестьянской семье 24 мая 1886 года. В связи с военной службой оказался в одном из полков, расквартированных в Петербурге. Никита Лукич получил начальное образование ещё в Сибири. В Петербурге окончил школу прапорщиков, стал офицером, получил чин подпоручика. Он участвовал в боях Первой мировой войны. Был награждён Георгиевским крестом. Это то, что я знаю достоверно.

Жила семья Волошиных — жена с детьми — на казённой квартире на 19-й Линии Васильевского острова. С удовольствием вспоминала Пелагея Афанасьевна столичную жизнь. Как покупала продукты в соседнем магазине, где хозяин продавал их в долг, зная, что покупатель расплатится, получив жалованье. Смеясь, рассказывала, как солдаты катали их маленького первенца Шуру в самодельной тележке, когда полк, в котором служил Никита Лукич, стоял в летних лагерях под Петербургом. В Петербурге родились и средний сын Володя (1914), и младшая Оля (1916).

Пелагея Афанасьевна и Никита Лукич Волошины с сыновьями Сашей и Володей. Петербург. 1914 год

Осталось от тех времён несколько чудом уцелевших фотографий. На одной из них, сделанной, вероятно, перед отправкой на фронт, Никита Лукич с Пелагеей Афанасьевной и двумя сыновьями: старшим хорошеньким Шурой и маленьким Володей, сидящим на коленях отца.

В конце 1916 года с тремя маленькими детьми они вернулись на родину. Тогда мы не касались этой темы. Можно только догадываться, почему семья офицера с тремя детьми, мал мала меньше, отправилась в такую дальнюю дорогу, когда ещё шла война. Не сразу узнала я и то, что Никита Лукич был призван в армию Колчака, потом воевал в Красной армии, командовал отрядом разведчиков, после демобилизации работал на железной дороге в Каргате.

В 1937 году, как многие тысячи «бывших», он был арестован по обвинению в монархическом заговоре и расстрелян. Это произошло уже в Осинниках, куда Волошины приехали из Каргата в начале 1930-х годов. История обвинения, ареста и расправы подробно рассказана Вилем Рудиным в его прекрасных воспоминаниях о моём муже. Он работал с архивными документами КГБ, и его рассказ о «Деле Волошина» документально точен. Я могу только пересказать историю ареста, услышанную от мужа и свекрови.

Осинники в те времена был маленьким шахтёрским посёлком. Жизнь шла вокруг рудника. Никита Лукич работал экспедитором треста «Молотов-уголь», поэтому в доме был телефон — большая редкость! В день ареста домой позвонил сын Володя, работавший на электростанции, и предупредил отца: «Папа, готовься, за тобой идут!». Домашние стали срочно прятать важные документы, фотографии: сохранить удалось немного. Сам Никита Лукич не делал попыток скрыться, а старшему сыну приказал: «Уезжай немедленно!». И Александр уехал в Иркутскую область, в Черемхово, где прожил несколько лет.

Конечно, не сразу посвятили меня в подробности семейной драмы. Чтобы понять, какую роль она сыграла в судьбе моего мужа, надо представлять себе ту пропасть социальной отверженности и даже гибели, которая зияла под ногами «врагов народа» и их близких. По краю этой пропасти пришлось ему идти долгие годы после бегства из Осинников. Во всех анкетах приходилось придумывать себе биографию. И до сих пор в биографических справках можно прочитать, что происхождение у него было «правильное, пролетарское», поскольку отец — рабочий Путиловского завода. Возможно, поэтому и не пошёл он в Литературный институт, куда звали, и не переехал в Москву, где давали квартиру. Он не кривил душой, когда говорил, что любит Кузбасс, улицу Весеннюю и реку Томь, но была у этой любви и другая сторона. Когда говорят о чрезмерной любви Волошина к почестям и славе, мало кто знает, что слава несла с собой опасность разоблачения. Надо было иметь сме-

*На следующий день после сообщения
о получении премии.*

*Слева направо: Михаил Рошаль (кор. газеты «Известия»),
Борис Тарасов (кор. газеты «Правда»),
Саша, я, мой двоюродный брат Коля Кашицкий
9 марта 1950 года*

лость, даже дерзость принять на себя роль человека, живущего на виду, открытого для доносчиков и за-вистников.

Славу принесла Сталинская премия. Из сибиряков лауреатами в области литературы за произведения, вышедшие в 1949 году, стали Александр Волошин (за роман «Земля Кузнецкая») и Константин Седых (за роман «Даурия»). Мы узнали эту новость по радио.

Ночью 8 марта нас разбудил звонок Алексея Косаря: «Саша, включай скорее радио! Ты получил премию!». Мы включили наш радиоприёмник «Нива» и услышали, что писатель Волошин награждён Сталинской премией второй степени за роман «Земля Кузнецкая». Радости не было конца! И тут же вся «Литературная среда», первая литературная организация в Кемерове, была у нас с поздравлениями!

Позже от Тупикова, друга которого были вхожи в кремлёвские кабинеты, мы узнали, что на комиссии по премиям после зачитанного списка Сталин произнёс: «А я слышал, что в Сибири появился писатель-фронтовик и написал хорошую книгу о шахтёрах». Возможно, слышал от Симонова? (Как я читала в мемуарах, Сталин внимательно просматривал те книги, которые были предложены для награждения комиссией. Они лежали перед ним на столе во время заседания.) Тут же Волошин был включён в список награждаемых. Судя по тому, что сейчас известно о присуждении Сталинских премий, это очень похоже на правду.

Вручение премии состоялось в Доме совета министров СССР на Охотном Ряду. Кто конкретно вручал награды, не помню. Председателем комитета по Сталинским премиям был тогда Прокопий Иванович Лебедев. Возможно, он и вручил лауреатский диплом (большую папку в сафьяновом переплёте)

и медаль из серебра с золотым барельефом Сталина. Шампанское пили рядом, в гостинице «Москва». Тогда же, практически одновременно с премией, Саша получил членский билет Союза писателей. О таком оглушительном успехе мы даже не мечтали. В 1962 году премия была переименована в Государственную премию. Заменили диплом – он стал меньше и скромнее; на медали профиль вождя заменила скромная лавровая веточка.

Размер денежного награждения составлял 50 тысяч рублей. Мы были счастливы и радовались свалившемуся богатству как дети. Я смотрю сегодня на фотографии тех дней: какие же мы были по-детски весёлые и непрактичные! Вот я красуюсь в китайском шёлковом халате и кокетливой шляпе с цветами! Шляпа так понравилась Саше, что, покупая мне подарки с премии, он купил их целых две! Зачем? А вот понравились! Конечно, не только и не столько «Вина и фрукты Армении», «Вина и фрукты Грузии (Азербайджана или Молдавии)» (так назывались любимые Сашины магазины на улице Горького, в которых для меня – фрукты, а для него – вина) съедали полученные деньги. Никаких банковских счетов и сберегательных книжек у нас не было. Деньги просто лежали в ящике письменного стола. И ящик этот всегда был открыт для тех, кто нуждался в помощи. А просителям не было конца. Особенно охотно он помогал своим пишущим друзьям. На свои деньги, не скупясь, экипировал и возил он Алексея Косаря и Михаила Небогатов в Москву, знакомил с редакторами журналов, литераторами. Нам казалось, что времена бедности прошли навсегда. Мы не поверили бы тогда, что самые большие беды и испытания ждут нас впереди.

172

Подарки мужа